

ОНИ ЛЕТАЛИ
ВО СНЕ

НК

НК

Они летали во сне

«Издательские решения»

НК

Они летали во сне / НК — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936333-6

Рассказ о голоде, о борьбе со своими мыслями. О том, насколько трудно остаться человеком в то время, как придуманный мир рушится.

ISBN 978-5-44-936333-6

© НК

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Они летали во сне

НК

Редактор Виола Панкратова

© НК, 2018

ISBN 978-5-4493-6333-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Это был погожий летний денек. В такие деньки просыпается ребяческое желание смотреть на все вокруг: на людей, на небо, на деревья – и чувствовать каждой частью своего тела ветерок, слышать шелест листьев, дать волю своему воображению и оказаться мыслями там, где вы никогда не были. Наш герой, будучи одним из таких мечтателей, закрывая глаза, оказывался в ином мире, который строил сам, в своем разуме. Там он был законодателем и градоначальником, творцом и Богом. Но этот мир был пуст. Несмотря на всю грандиозность, житель в нем существовал всего один. И даже попытки изменить положение, внедряя в обитель людей, были тщетны. Жители были то молчаливы, – тем самым, исключая возможность занятого диалога, – то слишком романтизированы «автором» и получались какими-то смазливими размазнями. В итоге, идею с заселением персонажей он оставил совсем, и благополучно оставался единоличным хозяином и обитателем своей вселенной.

Процесс творения пристанища чаще всего происходил по ночам. В отсутствии сна или же (если Вам будет угодно), присутствии бессонницы, он ворочался из стороны в сторону на жалком куске картонки, жадно пытаюсь застроить каждый уголок в своем подсознании, чтобы вновь в него окунуться. В процессе довольно рутинной, жалкой, отнимающей все силы и стремление к жизни работе, на холодной картонке, его согревало творение. Оно было способно насытить его в моменты абсолютного голода. Фантазии разума заменяли суровую реальность, а может быть даже и его самого.

За отсутствием друзей надобность говорить отпала сама собой. Иногда ему казалось, что говорить он и вовсе разучился, как, впрочем, и читать (за неимением литературы). Сны были непозволительной роскошью, но изредка все-таки посещали его. В одном из таких снов, стоя где-то поодаль, лишь пожелав, он создавал землю, затем траву, затем небо. Стоило ему захотеть, и вот уже растекался по земле ручей, а рядом, прямо у него на глазах, за считанные секунды возвышался лес. Подобные сновидения, казалось, способны длиться вечно. Но у всего прекрасного наступает конец.

Настолько отчаявшись от своего никчемного существования, он, как только предоставлялась возможность окунуться в мир снов, попробовал снова и снова воссоздавать образы и картинки в своей голове. Так он и жил поделив себя на две части: выдуманную и реальную. Хотя уж очень хотел, в самом деле, оказаться в мире придуманном, обретенном...

I

Несмотря на летний денек, та часть города, где находится реальное жилище «демиурга», далеко не светлая. В любое время дня и ночи в этом месте темно и сыро. Всему виной густой, темный дым, выходящий из труб заводов и проклятых фабрик. Улицы здесь были узкие, смердящие серой и дерьмом, куда не ступи – везде лужи, да и едва ли возможно было что-то рассмотреть в этой бесконечной мгле. Хотя нашему скромному господину, – фонари не требовались, – для него все было привычно настолько, что различимо вне зависимости от того был то день на дворе или ночь. Как-то его посетила мысль: «Может, оттого я все вижу, что живу здесь, как крыса и все помню. И так каждый день. Все мы – крысы, кажется, уже по запаху можем определить, кто перед нами стоит, а дом можем найти, просто шагая в единственно-верном направлении».

И чисто по-крысиному, словно чувствуя сыр, шел он на работу, оставляя свою картонную постель, обрамленную черепицей падающей с крыши, в темной подворотне, где он ютился один, не считая нескольких крыс, которых он пронумеровал, в зависимости от особых признаков. Например, ту, что была с белым пятном на боку, он нарек номером «первым». А ту, что как-то неестественно хромала номером «вторым», а крысу, с явным дефектом в виде отсутствия кусочка хвоста номером «третьим».

Путь на работу был чрезвычайно запутанным. Он только и помнил, что отсчитывал каждый свой шаг. Поворачивал то направо, то налево, пока не упирался в цель. И кроме этих заворотов да шарканья ног в его голове не сохранялись никакие особенности его пути. Впрочем, выходя из тьмы, он также не помнил куда и зачем идет, а главное почему; каждый выход из тени сопровождался болью в глазах от яркого (как ему казалось) света. И только интуитивно, чисто автоматически, оказываясь перед свалкой, он более или менее приходил в себя и все вопросы тут же снимались с рассмотрения.

Его работа была довольно проста, ему приходили газеты, пластик, стекло и, отсортировав, он должен был отправить их в отдел по переработке, где никогда не был. Именно в тот момент, когда он начинал свою работу он отключался и путешествовал в своем мире. Отчасти, он создал его по старым картинкам из журналов, которые он находил, но большую часть всего окружающего он додумал сам. Иногда ему казалось, что мир, в котором он живет и сортирует мусор – часть его воображения и стоит сильно возжелать, как все сущее может перемениться. Порядки могут стать более гуманными, пейзаж более красочным, без всех этих заводов. Если бы все зависело только от его желания, он обратил бы все в зелень, но тут не достаточно было прихоти одного человека, быть может, недостаточно даже просто хотеть.

– Тридцатый! – закричал громкоговоритель, обращаясь к нашему герою. – Положенная норма за прошедший день не выполнена! Остаться на ночную смену!

– Ублюдки! – подумал про себя Тридцатый.

Остаться на ночную смену значило проработать в два раза дольше и усерднее, а по окончании положены два часа сна и вновь рабочая смена. Причем, Тридцатый довольно часто оставался на ночную смену, оттого он был крайне раздражителен, и ему все казалось нереальным. Он оглянулся вокруг, никого не было.

– Суки! – закричал он словно не своим голосом. – Твари!

– Тридцатый! Сквернословие не допустимо! Штраф – отмена обеда.

– Скоро и мысли, наверное, начнут читать... – проворчал Тридцатый.

– Эй, друг!

Тридцатый почувствовал легкое похлопывание по плечу, обернувшись, он узнал говорившего, это был его товарищ по работе, к тому же сосед, – жил он примерно в той же части, что и наш герой.

– Не тушуйся, у меня тоже ночная смена! Вместе не так скучно будет. – говоривший встал рядом за конвейер и начал сортировать мусор. – Как спалось? – улыбаясь, спрашивал сосед.

Тридцатый лишь отрицательно кивал головой. Он не обращал внимания на соседа, хотя тот очень даже был словоохотлив по отношению к нашему герою. Болтун был довольно улыбочив и что не день оказывался рядом с Тридцатым. Иногда он говорил сплошную банальщину, а иногда о своих представлениях о жизни без заводов и угнетения, той жизни, где человек живет в добрососедской общине, никто не стоит ни выше, ни ниже другого, никто не правит и не помыкает другим, как в нынешние времена.

«Я бы мог изменить этот мир! Я бы мог! – говорил он. – И плевать, что я могу не увидеть осуществления моего замысла, плевать, что я могу умереть ужасающей смертью, даже плевать, что они услышат, я буду жить в идее! Я буду жить в сердцах людей!» Молодой человек довольно патетично делился своими мыслями с Тридцатым, но сказать, что Тридцатый охотно его слушал было нельзя. Он как обычно был где-то не здесь. И как обычно его собеседник казался ему чем-то вроде неудачной фантазии из сновидений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.